

ЧТО ТАКОЕ РЕАЛЬНОСТЬ?

Концепт

Андрей Курпатов

Андрей Курпатов

Что такое реальность? Концепт

«Курпатов А.В.»

2018

УДК 159.964.21
ББК 88.3

Курпатов А. В.

Что такое реальность? Концепт / А. В. Курпатов — «Курпатов А.В.», 2018

Мы не можем ответить на этот вопрос «Что такое реальность?», используя традиционные языковые средства, поэтому в книге используется методологический инструментарий. Методология мышления, основанная на современной нейрофизиологии, является не средством описания, а способом реконструкции пространства реального. Как взаимодействовать с реальностью, не впадая в иллюзию? С чем мы в действительности имеем дело? Что происходит на самом деле? Насколько реальны наши представления? Чем факты отличаются от интеллектуальных объектов? Таковы главные вопросы этой книги, посвященной несодержательному мышлению.

УДК 159.964.21

ББК 88.3

© Курпатов А. В., 2018

© Курпатов А.В., 2018

Содержание

Вместо введения: «Скандалы в философии»	6
Определение «реальности»	7
«Магия языка»	10
«Скандал в философии»	13
«Дегуманизация познания»	15
Методология мышления	17
Парадоксальность реальности	19
Границы реального	20
Фикция наблюдателя	21
Место в реальности	22
Объём и плотность знания	23
«Карта территории»	25
«Модельное отношение» и рационализация	27
«Внутри головы»	29
«Луч внимания»	31
Иллюзия «независимости»	33
«Объективное» и «субъективное»	35
«Более» или «менее» реально?	37
«Изготовление» фактов	39
Отношения реальности	41
Парадокс и граница «понимания»	42
«Понимание» как «объяснение»	44
Конец ознакомительного фрагмента.	46

Андрей Курпатов

Что такое реальность? Концепт

© Курпатов А. В., 2016

© Издательство Трактат, 2018

* * *

Вместо введения: «Скандалы в философии»

Название этой книги должно вводить в заблуждение. Думаю, это с неизбежностью происходит.

Нам кажется, что мы знаем, о чём идёт речь, когда звучит слово «реальность». Но это чистой воды иллюзия. При всём желании, мы не можем определить её границ или дать ей определение.

Так что, в каком-то смысле, я поставил перед собой неразрешимую задачу – сказать о том, о чём не может быть сказано, потому что сама реальность для нас принципиально недоступна.

Впрочем, именно это – попытки помыслить то, что ускользает от мышления, – и позволяет нам угадывать нечто действительно важное.

Определение «реальности»

1

Что же такое реальность? Реальна ли эта книга в ваших руках? А если она на экране монитора – это тоже реальность?

Или же реально отображение этой книги, возникающее в вашем мозгу? Если же реально и то, и другое, то чем эти реальности отличаются?

А что реально в самой этой книге? Её вес? Переплёт? Рисунок на обложке? Вёрстка? Или, быть может, химическая структура бумаги? Квантовые эффекты отражённых от её поверхности (или излучаемых экраном) фотонов? Цвет? Краска на бумаге? Пиксели на экране? Компьютерная программа её цифровой версии? Язык, на котором она написана?

Быть может, реально то, что я – её автор – думал, работая над этой книгой? Или то, что вы, уважаемый читатель, в ней прочтёте? Или реальна лишь активность наших нейронов, создающих и распознающих скрытые в ней смыслы?

В каком качестве она реальна для моей собаки? Для представителя примитивного народа, не знающего о том, что такое письменность и тем более книгоиздание? Будет ли она по-прежнему реальной, если окажется, например, в «руках» инопланетянина? Или в этом случае её уже нельзя будет назвать «книгой»?

Сохранит ли она реальность, если мы предположим, что все её экземпляры уничтожены, но я или кто-то другой о ней помнит? А если язык, на котором она написана, умрёт?

Насколько она вообще может быть реальной «книгой», если кто-то думает о ней одно, а кто-то другой – другое? Кому-то она кажется интересной, а другому – откровенным бредом. Это части реальности, как-то связанные с этой книгой, или нет? Если да, то перед нами уже некий континуум. Если нет, то где граница, которая отделяет одну реальность от другой или реальность от нереальности?

Разумеется, это лишь малая толика возможных вопросов. Их может быть куда больше. Но ответов нет. Мы пользуемся словом «реальность», а на самом деле понятия не имеем, что именно оно обозначает.

2

Создаётся впечатление, будто реальность – это шляпа какого-то сумасшедшего фокусника, который может вынуть из неё всё, что ему заблагорассудится: хотите – «смыслы», хотите – «кванты», а можно ещё «квалиа», «эмергентность» и «синхронистичность».

Но возможно ли это? Не является ли подобное «чудо» лишь фокусами (проблемами?) языка, который и создаёт эти разные представления о реальности?

Что, если действительная реальность на самом деле дана нам каким-то одним-единственным способом – только так, как это происходит, а всё остальное – лишь игры нашего разума и языка?

Пытаясь определить реальность, мы начинаем тут же вспоминать о её «разных уровнях», «частях» и «аспектах». О том, что она может быть «объективной» и «субъективной», «иллюзорной» и «фактической».

Мы говорим о «физической» реальности, реальности «жизни», «психологической» реальности, реальности «существования», «виртуальной» реальности. Но разве не свидетельствует всё это о том, что мы просто запутались?

3

Наш мозг эволюционно возник из распределённых по телам наших далеких предков отдельных, специализированных нервных клеток: одни отвечали за одно, другие – за другое.

Каждая группа тех первичных нейронов выполняла свои функции в рамках общей для организма задачи выживания. А затем они скучковались в единый «центр управления», который прячется сейчас желеобразной массой внутри нашей черепной коробки.

Этот «центр управления» не создавался по единому плану, в единой логике, в рамках какого-то универсального и продуманного каким-то гениальным креатором подхода.

Наш мозг – это одно сплошное недоразумение: он (вместе со своими периферическими отделами и рецепторным аппаратом) не стройная и упорядоченная система (машина), он хаотичный и разнородный, лишь приведённый к «общему знаменателю».

Это специфическое устройство нашего мозга порождает бесчисленное количество ошибок, а львиная доля его работы – это их постоянное исправление.

4

За время нашего детства, отрочества и юности, на всю эту уже изначально кривую конструкцию села культура: язык, который мы освоили, система социальных ценностей и индивидуальных приоритетов, выученные нами способы сборки различных интеллектуальных объектов (от зрительных образов человеческих лиц определённой этнической группы, до способности устанавливать «причинно-следственные отношения» между абстрактными по существу явлениями).

Мы научили наш мозг строить числовые ряды, к чему он, конечно, не был изначально предназначен, а также использовать знаки (сигналы сигналов) для манипуляций над собственным психическим содержанием (которым мы, кстати сказать, сами и являемся).

Мы научили свой мозг и такой, например, бессмысленной вещи, как умение слышать мелодии (другие животные не слышат музыку в музыке, для них это просто такой шум, а вовсе не наши хваленые аккорды и гармоника).

То есть наш мозг не только превращает реальность, с которой мы имеем дело, в подобие бабушкиного лоскутного одеяла, но ещё и рисует на ней (поверх этого, уже произведенного им хаоса) культурной шелкографией.

Поэтому нелепо удивляться открывающимся нам неясностям, парадоксам и вообще самой этой «загадочности» реальности. Было бы удивительно, если бы могли видеть реальность такой, какова она есть. А то, что мы видим вместо неё какое-то «несуществующее животное» – это как раз вполне естественно.

5

Что происходит, когда мы произносим слово «реальность»? Что мы в этот момент думаем? Что подразумеваем? Согласитесь, это важный вопрос. Но мы почему-то совершенно им не озадачены.

Мы находимся под воздействием магии языка – мол, если у нас есть какое-то слово, значит, есть и то, что оно обозначает. Но это «значит» – ошибка. Если у нас есть слово, это свидетельствует только о том, что у нас есть какое-то представление (наше собственное внутреннее «состояние»), которое этим словом выражается, но не более того.

Рассуждая «логически», мы вроде бы можем отличить то, что есть, от того, чего в природе не существует. Но это лишь иллюзия. Сам наш мозг этого совершенно не понимает. Какая разница для моего мозга между выхухолью, которую я никогда не видел, и единорогом, мифическим грифоном, пегасом и прочими химерами? Никакой.

Мы, конечно, понимаем, что все они, в отличие от выхухоли, выдуманы. Но если есть слово – есть и то, что мы можем себе представить.

Так какое, в таком случае, отношение имеют наши представления, обусловленные самим фактом наличия соответствующих слов, к реальному положению дел (к тому, что происходит на самом деле)?

Сам тот факт, что мы используем слово «реальность», по сути превращает её в химеру, но мы этого не замечаем.

«Магия языка»

6

Мы заложники фундаментальных заблуждений: нам вбили в голову, что «язык говорит сам за себя», что мы можем на него опираться, что он точен.

Это неправда – он нем, аморфен и предельно умозрителен. А если уж совсем начистоту, то ведь и нет никакого языка самого по себе; есть лишь тот способ, которым мы коммуницируем с другими людьми, но «коммуницировать с другими людьми» и «познавать нечто» – это вовсе не одно и то же.

7

Мы изучаем язык – тот самый, который считаем родным, – интуитивно угадывая смысл слов, которыми пользуются в нашем присутствии окружающие нас другие люди. Он, скорее, социальная, а не языковая игра.

Никто не учил нас языку как таковому. Нас учили чему-то другому – показыванием (мол, смотри – это «человек», а это «собака»), где-то мы и сами догадывались, о чём идёт речь (из контекста, мысленно проигрывая соответствующие ситуации, объясняя себе непонятное уже понятным как-то).

То есть нас учили социальному взаимодействию, коммуникации, обмену знаниями, а не языку.

Как, например, вы уяснили для себя значение матерных слов? Я узнал об их существовании в весьма сознательном возрасте, и поэтому хорошо помню, как это происходило.

Меня отправили в спортивный лагерь секции мотокросса, где все ребята активно использовали ненормативную лексику. Я же, к стыду своему, не знал ни единого матерного слова. Впрочем, я как-то понимал, что имеют в виду мои товарищи, когда говорили, например, что я должен взять некую «штуковину» и «ударить» с её помощью по другой «штуковине». И всё это несмотря на то, что обе эти «штуковины» и даже указание – «ударь» – обозначались, по сути, одним и тем же словом!

Матерный язык, используемый моими товарищами, был для меня лишь набором странных звуков. Однако мне вполне хватало контекста ситуации и сопутствующих невербальных стимулов, чтобы понять, о чём идёт речь.

То, что это конкретное слово (звук) в действительности означает мужской половой член (а другие подобные слова – другие человеческие органы и действия сексуального характера), я понял лишь из анекдотов, которые ребята безостановочно рассказывали друг другу.

Не понимая анекдота, я проигрывал в голове соответствующую историю, пытаюсь представить, что эти слова могут значить, чтобы возник эффект шутки. Остальным действительно было весело, а потому у меня был очевидный критерий, и я достаточно ловко решал эти ребусы.

В конце концов разобрался, что к чему, – понял действительное значение матерных слов. Причём даже в тех случаях, когда речь шла и вовсе загадочных для меня вещах. Например, я вообще ничего не знал тогда про мастурбацию (мои товарищи, конечно, не пользовались научной терминологией и называли её другими словами). Однако из череды анекдотов на эту тему мне удалось понять не только значение данных матерных слов, но и то, как соответствующее действие производится и к чему оно должно привести.

Это хороший пример того, каким образом мы осваивали значения всех слов, которыми сейчас пользуемся. То есть язык (точнее – использующие язык другие люди) оснастил нас не только средствами для успешной ориентации в социокультурном пространстве, но и обучил нас множеству важных действий, рассказал нам о явлениях, с которыми мы не сталкивались.

8

Представьте, что вы глухи, слепы и вдобавок парализованы, а тут вдруг появляется нечто, что позволяет вам видеть, слышать и даже двигаться. Как бы вы отнеслись к этому «нечто»? Насколько вы бы стали ему доверять? Думаю, тут вариантов нет – перед нами спаситель и божество!

Таков язык, и потому наша вера в него безусловна. Мы верим словам и тому, что за ними скрывается что-то реальное (даже если знаем об обратном). Эта наша убежденность в правдивости языка абсолютна, а потому без всяких проблем распространяется не только на те слова, что обозначают «органы» и «действия» (дурное дело – нехитрое), но и на любые языковые химеры.

9

Проблема, казалось бы, должна возникнуть там, где на референты соответствующих слов никаким образом указать нельзя (например, «любовь», «предательство», «власть» и т. д.).

Но у нас есть языковой контекст, состоящий из «органов» и «действий», так что нам остаётся лишь подключить «интуитивное понимание» – и всё становится «ясно как белый день».

Можно ли понять, что имеют в виду люди, использующие слова, на референты которых невозможно указать? По логике вещей это вряд ли осуществимо. Но ведь нас, по большому счёту, и не интересует референт, нас интересует возможность взаимодействия с этими людьми. Какая разница, о чём именно они говорят или что они имеют в виду, если нам надо просто с ними договориться?

Таким образом возникает совершенно замечательная ситуация, при которой мы вполне «понимаем» друг друга, совершенно не понимая при этом, о чём же каждый из нас на самом деле ведёт речь.

Никто не знает, что такое «справедливость», «свобода», «добро», «атом», «пространство» или «эволюция», никто не знает, что такое «реальность». Но у каждого из нас есть некое «интуитивное понимание», «теоретическое представление», и мы договариваемся друг с другом, хотя, в действительности, мы просто уладили проблему социальной коммуникации.

10

Представьте, что вы находитесь в некой комнате в очках виртуальной реальности. Здесь кроме вас ещё несколько таких же «счастливчиков», но у каждого в очках своё VR-видео – один блуждает по джунглям, другой стреляет в тире, третий совершает прогулку по Марсу, а у вас перед носом Собор Святого Петра в Риме.

Вы все двигаетесь по этой комнате, что-то делаете и временами натываетесь друг на друга. Столкнувшись, вам придётся договариваться. И вы легко это сделаете, имея такое желание, хотя каждый будет уверен, что соответствующее событие случилось в его VR-реальности. Вот что такое на самом деле пресловутая «интуитивная понятность».

Примерно таким образом мы себя и ведём, когда используем слова, не имеющие референта, на который можно было бы указать с предельной определённойностью.

Забавно, что все разговоры друг с другом, которые мы считаем «важными», «сущностными», «принципиальными», как правило, подразумевают использование именно таких – нерепрезентативных – слов. Разговоры о реальности, например.

«Скандал в философии»

11

Впрочем даже возможность указать на референт однозначно не решает задачи понимания.

Я, например, так и не понял, какую функцию выполняет карбюратор, который мои товарищи по спортивному лагерю называли тем самым словом, производным от нецензурного обозначения мужского полового члена. Впрочем, снять его с мотоцикла и «продуть» я все-таки, следуя их витиеватым инструкциям, смог – мы договорились.

Так что я почти уверен, что все эти языковые (а по существу, социальные) игры не имеют равным счётом никакого отношения к тому, о чём, как нам кажется, мы ведём речь, когда говорим о реальности и о возможности её понимания.

Но мы этого не замечаем, что, как мне представляется, и является основой того самого – ключевого – «скандала в философии».

12

До сих пор было принято говорить о двух «философских скандалах».

Первый носит оценочный характер – мол, нельзя не считать скандалом тот факт, что за многовековую историю философии в ней не было сформулировано ни одного тезиса, очевидность которого признавали бы все философы.

Второй, сформулированный Иммануилом Кантом: «...нельзя не признать скандалом для философии и общечеловеческого разума необходимость принимать лишь на веру существование вещей вне нас и невозможность противопоставить какое бы то ни было удовлетворительное доказательство этого существования, если бы кто-нибудь вздумал подвергнуть его сомнению»¹.

13

Но оба этих скандала полностью нивелируются современной нейрофизиологией.

Относительно кантовской интерпретации выяснилось, что проблема не в том, существуют ли вещи вне нас, а в том, что не существует «нас» как таковых.

Действительные мы и есть это «внешнее» по отношению к нам «существование». Мы (как «я») – лишь языковая игра, а реальные мы (всякий активный в данный момент участок нашего мозга) находимся по ту сторону этой языковой игры.

То есть фактические мы – та самая вещь, которая, по Канту, недоказуема, что, конечно, абсурдно. Проще говоря, на веру мы принимаем как раз наше «я» (производим его своей верой²), а вовсе не «существование вещей».

---

¹ Кант И. Критика чистого разума.

² В методологии мышления мы называем такие фантомы «форпостами веры».

14

Из этого следует и необходимое понимание первой версии «скандала в философии». Он вполне естественен, только вот «скандалом» его назвать уже никак нельзя, скорее – недоразумением.

В своё время ещё Людвиг Витгенштейн объяснил, что причина «философских проблем» – те самые языковые игры, и этот его тезис превратился в полноценную философскую программу, получившую название «лингвистический поворот».

Но с точки зрения «нейрофизиологического переворота», о котором говорит методология мышления, даже этот ход не был в достаточной степени радикальным: оно не позволяло разрешить «скандал в философии», поскольку языковые игры принципиально неразрешимы.

По причине этой неразрешимости невозможно, чтобы философия обзавелась некими «очевидными» для всех философов «тезисами». О чём бы ни говорили философы, они вынуждены пояснять слова, которыми пользуются, а делая это, они с неизбежностью натолкнутся на факт принципиальной невыразимости действительной реальности в языке.

Как ни крути, мы снова и снова обнаруживаем себя в комнате, населённой персонажами в VR-очках. Возможная в таких обстоятельствах дискуссия не имеет ровным счётом никакого смысла, а устраивающая всех договорённость возможна и без этих дискуссий (если, конечно, участники конкретного VR-аттракциона в ней нуждаются).

15

В конечном счёте радикализация, на которую мы, вследствие неизбежного «нейрофизиологического переворота» обречены, состоит вовсе не в разрешении языковых игр, но в устранении самого игрока – «человека, играющего в язык», этого *homo ludens logos*³.

Высказываясь метафорически, подлинным «скандалом в философии» является существование философов.

Впрочем, это не отменяет возможности быть мыслителем – тем, кто не претендует на знание (любовь к) некой мудрости, которой, конечно, нет, но пытается мыслить реальность как она есть.

---

³ Лат. – человек играющий язык.

«Дегуманизация познания»

16

Любые наши попытки определить реальность наталкиваются на некие границы, но единственная граница, которая тут действительно есть, – это сам человек (человек, думающий о себе, что он может мыслить реальность, представляющий себя в образе некоего ментора по отношению к ней, наблюдателя, объективатора, познающего и т. д.).

Только принципиальное признание того факта, что реальность не имеет никаких «естественных» границ, что все они нами придуманы, умозрительны, мнимы, открывает перед нами принципиально новую возможность обретения себя в реальности с помощью мышления.

Речь, таким образом, должна идти, в некотором смысле, о дегуманизации познания – то есть, об изъятии и устранении «познающего» из того способа, каким мы организуем своё знание о реальности. Разумеется, речь не идёт о физическом устранении человека, но лишь об устранении его привилегированного статуса – «того, кто может познать».

17

Идея убрать «познающего», «наблюдателя» из логики познания может казаться абсурдной – мол, зачем тогда это всё, если мы устраняем из уравнения нас самих?

Это важно понять: мы-реальные (что бы это ни значило) неустранимы, а вот наши представления о себе как о «познающих», «наблюдателях» и «мере всех вещей» – это как раз чистой воды иллюзия и заблуждение (что я, в частности, и попытаюсь показать в этой книге).

При всём желании мы не можем вычеркнуть себя из действительности (это и правда нелепо), но мы можем увидеть и признать мнимость некоего собственного, выдуманного нами статуса, а также и принципиальную невозможность соответствующего функционала.

18

Ирония в том, что, изгоняя мнимого «себя» из этого уравнения, мы обретаем действительных себя – то, чем мы являемся на самом деле. Потому что, конечно, мы не можем бытийствовать в реальности как представление о себе, но только в качестве себя-действительных.

Если же это действительное спрятано, экранировано представлением о «я», то оно и не функционально.

Чтобы мы ни делали, мы есть – реальны в реальности. Но важно то, каким образом организованы эти отношения нас и реальности: это могут быть отношения реальности, а могут быть мнимые отношения – как представление об отношениях.

Вообразите нарисованный на бумаге молоток и настоящий гвоздь – это наше типичное положение в отношении реального: представление против действительного.

Если мы хотим быть эффективными в реальности, мы должны быть реальным, а не нарисованным молотком. Мы должны быть самой этой реальностью, а не фикцией, пусть и с безграничными, но выдуманными возможностями (например, познания).

19

Да, наш мозг – это тот единственный ресурс, которым мы обладаем. Вопрос в том, как мы его используем.

По сути речь идёт о некоем инструменте, от использования которого зависит и наш урожай в реальном. Быть может, он и не идеальный – этот инструмент, и ограниченный, – но всякий действительный молоток, в отличие от нарисованного, можно использовать с толком (хотя можно и потерять в собственном гараже).

Устранение «познающего» – лишь способ условного снятия иллюзорных границ (той пунктирной сетки, которую мы набрасываем на реальность, желая внести в неё некоторую определённую). Это ещё не решение проблемы. Освобождение мозга от этих пут – лишь исходный пункт и точка отсчёта.

Избавляясь от «познающего» («наблюдателя»), мы вовсе не лишаемся тех расчётных мощностей, которыми обладаем благодаря функциональности нашего мозга.

Наш мозг был создан эволюцией для организации фактов действительности, и не его вина в том, что мы использовали эту его функцию не по назначению (переориентировав её с фактов действительности на игру с представлениями о ней).

20

В конце концов, мы же способны сократически признать собственное незнание – «я знаю то, что ничего не знаю», – даже если всё кажется нам понятным и очевидным. Пусть это и интеллектуальная уловка, но она работает как средство обнаружения новых фактов.

То есть теоретически мы можем устранить себя как цензора, самовольно определяющего ценность и состоятельность фактов реальности в угоду предзаданному результату («потребному будущему», как сказал бы П. К. Анохин), цензора, решающего, что следует считать фактом реальности, а что – нет.

Пусть это не может быть системным решением, и пусть это случается лишь в единичном моменте, но это работает.

Важно, что подобная аннигиляция «нас» вовсе не лишает нас того ресурса, которым обладает наш мозг. Напротив, он делает этот ресурс куда более функциональным – мы уже не так детерминированы прошлым опытом, концептуальным аппаратом и т. д.

То есть, устраняя нашего «знайку», мы вовсе не превращаемся в «идиотов», мы лишь перестаём видеть в реальности то, что хотим, и можем увидеть в ней то, что в ней действительно происходит.

Методология мышления

21

Выводя себя из игры (лишая себя статуса игрока), мы не теряем своего присутствия в реальном. Но каковы наши возможности, обусловленные этим нашим действительным присутствием в том, что происходит на самом деле?

Именно определение этих возможностей и является, как мне кажется, наиважнейшей задачей. И решать её можно лишь последовательно задавая одним и тем же вопросом – «Что такое реальность?», озадачиваясь им снова и снова по мере разработки и производства новых и новых необходимых нам интеллектуальных объектов.

«Что такое реальность?» – вопрос, который важен нам не сам по себе, и не потому, что мы действительно хотим найти на него ответ, а потому, что он позволяет нам должным образом озадачиться, обнаруживать факты и организовывать их. То есть роль этого вопроса сугубо функциональна.

22

Реальность – это не какая-то штука, которая пылится в ларце, спрятанная от глаз любопытствующих. Реальность – это то, что происходит. Она всё, с чем мы, как реальность, имеем дело.

Наше мышление тоже происходит (то есть оно реально), и если ткань реальности едина, то наличествует, вероятно, и такой способ реконструкции нашего мышления, который является одновременно и способом реконструкции реальности – того, что происходит.

Иными словами, реальность мышления (то единственное, что нам доступно) есть предъявленная нам реальность как таковая. Поэтому задавая вопросом «Что такое реальность?» и проясняя через этого собственное мышление, мы обнаруживаем саму реальность.

23

Мы никогда не узнаем ответа на вопрос «Что такое реальность?», но мы многое узнаем, отвечая на него.

В этом весь смысл озадаченности: мы задаёмся вопросом о чем-то, что действительно есть, благодаря этому обнаруживаем факты и лишь обнаружив их узнаём, на какой «вопрос» мы, на самом деле, нашли ответ, а точнее – понимаем, как нам надлежит действовать.

Сначала озадаченность, потом факты, а потом уже усмотрение того, что мы действительно, как теперь выясняется, хотели найти. Именно таким путём мы и пойдём в этой книге.

24

Методология мышления, конечно, не является философской дисциплиной, поскольку не ставит вопрос об истине, считая его бессмысленным.

Можно было бы, наверно, сказать, что истинна реальность, но это тавтологичное высказывание, которое ничего нам не сообщает.

Ценность всякой реконструкции реальности определяется тем, насколько хороши результаты, которые она позволяет нам получать.

Важно то, насколько эффективно мы решаем стоящие перед нами задачи, а не абстрактное знание «истины», которое, по множеству очевидных причин, невозможно.

25

Задача методологии мышления – мыслить реальность. И хотя данная формулировка тоже кажется бессмысленной, сам вопрос – «Что такое реальность?» – отнюдь не бесполезен.

Парадоксальность реальности

Реальность – это всё, что происходит. Но как живущие, чувствующие и мыслящие существа, мы имеем дело лишь с собственными версиями реальности, а не с реальностью как таковой. Пожалуй, это единственное, что мы можем сказать о реальности с полной определённо-стью.

Собственно в этом и заключается фундаментальный парадокс, лежащий в основе методологии мышления: реальность принципиально недоступна для нас, однако же всё, с чем мы имеем дело, включая и наши собственные версии реальности, реально.

Данный парадокс представляет собой головоломку, над которой следует поразмыслить.

Границы реального

1

Всё, что происходит, является реальным. Не важно, в каком смысле это является реальным, важно, что это есть, потому что это происходит (а то, что не происходит, того и нет).

2

У реального нет границы, и потому бессмысленно говорить о некоем наблюдателе реального, с одной стороны, и о реальности, которую он наблюдает, с другой.

3

Отсутствие «наблюдателя» противоречит нашей интуиции: нам кажется, что есть мы, а есть реальность, которую мы воспринимаем. Осознать абсурдность этого противопоставления крайне сложно.

Единая (хотя это уточнение и бессмысленно) реальность – всё, что происходит, – как-то соотносится сама с собой внутри себя самой. Нам только кажется, что у нас есть некий привилегированный статус «наблюдателя», это иллюзия.

4

На это можно возразить, что, мол, есть же наши представления о реальности, которые не являются самой реальностью (как «карта» не является «территорией»), то есть граница существует. Мол, есть окружающий меня мир, а есть та модель этого мира, которая возникает в моём мозгу.

Возражение резонное, но оно не учитывает главного: когда что-то возникает в нашем мозгу (любой образ, представление, умозаключение и т. д.) – это уже реальность, потому что это то, что происходит. Это уже территория, а не карта.

5

Когда мы производим «карту» реальности, мы производим реальность. «Карта» только кажется нам формой представления «территории» (реальности), в действительности – она неотъемлемая её часть.

Мы не имеем ничего, кроме «территории» – пространства реального.

Фикция наблюдателя

6

Подумаем о ловушке, в которой мы оказались.

Идея о том, что в нас есть некий центральный «наблюдатель», сама по себе является представлением – моделью модели (моделью модели того, в каких отношениях я, как наблюдатель, нахожусь с реальностью).

7

Вы не можете быть одновременно наблюдателем и думать о себе как о «наблюдателе» (и вы не можете наблюдать «наблюдателя» в себе).

Вы или наблюдаете – и это происходит (то есть это реальность), или вы думаете о себе как о «наблюдателе», но уже не будучи наблюдателем.

8

Думая о себе как о «наблюдателе», вы наблюдаете, устраняя в себе «наблюдателя». Впрочем, это только частный случай устранения «наблюдателя».

Да, когда вы думаете о себе, как о «наблюдателе», нечто, конечно, происходит – например, сам процесс этого вашего размышления реален. Но реален именно он, а не то, что, как вам кажется, вы в этом процессе делаете.

9

У реального нет естественной границы – мы не знаем, где оно начинается, а где заканчивается. Реальное как бесконечная крышка, причём без ручки – её не подцепить, за неё не ухватиться.

10

Неухватываемость реальности разочаровывает, и мы идём на хитрости. Мы пытаемся что-то с ней сделать, как-то её преобразовать, чтобы она стала «доступной» для нас и наших воздействий.

Это кажется хорошей идеей, но только на первый взгляд, поскольку мы сами реальны и не можем покинуть пределов реальности (она – всё, что происходит, и всё, что есть).

Место в реальности

11

У реальности нет пределов.

Нельзя покинуть клетку, у которой нет стен. Мы можем попытаться поменять своё положение в ней, куда-то переместиться, но сам континуум от этого не меняется.

Для нас может измениться лишь вид (рисунок) того, что происходит, но не реальность как таковая. Так что попытки обмануть реальность, взять её под контроль столь же амбициозны, сколь и глупы.

12

Любое наше действие принадлежит реальности.

И это самообман, если нам вдруг кажется, что мы смогли обхитрить реальность, подойти к ней с некой «другой стороны».

Мы можем пытаться вытягивать себя за волосы из пространства реальности, хвататься за крышку, у которой нет ни краев, ни ручки, обманываться. Но всё это не имеет никакого смысла. Игра уже сделана.

13

Мы имеем место [© Л. Витгенштейн] в реальности, и это всё, чем мы располагаем.

Это вполне очевидный факт, но мы не мыслим его с достаточной строгостью. Напротив, мы идем на всяческие ухищрения спекулятивного толка, создавая тем самым точки уязвимости.

Приписывая себе возможности, которыми мы на самом деле не обладаем, мы совершаем действия, которые не могут привести к ожидаемому результату. Мы лишь запутываемся ещё больше, совершаем новые глупости.

14

Меняя своё положение в пространстве реальности и фиксируя моменты ситуации под разными углами, мы получаем «разные данные».

Но все эти «разные», как нам кажется, данные, на самом деле, данные о том же самом – о той самой ситуации. Если мы не осознаём этого, мы порожаем ошибки.

15

Если бы мы понимали, что всякий наш такой «снимок» ситуации – это снимок того же самого, подобная тактика была бы бесполезной.

Мы бы узнавали больше о том, что происходит на самом деле. Не «новое», а что-то ещё о том же самом, действительно увеличивая своё знание.

Объём и плотность знания

16

Наше знание нуждается не в инфляционном приращении его объёмов, а в увеличении его плотности, потенциальной мощности его системы.

Собственно, в этом и состоит различие между теми подходами, о которых говорит методология мышления: традиционном «представлении о реальности» и новометодологической «реконструкции реальности».

17

«Представления» не имеют никаких ограничений в реальности – «снимков» реальности можно сделать сколько угодно.

Производя новые и новые представления о реальности, нам кажется, что мы увеличиваем своё знание. Но на самом деле речь идёт лишь о банальной инфляции.

Это всё равно, что сделать бесконечное количество фотографий одного и того же человека, а потом сказать, что у нас есть бесконечное количество фотографий людей. Из этого можно, вроде бы, заключить, что раз у нас есть бесконечное количество фотографий людей, то значит, у нас есть фотографии всех людей.

Это очевидный абсурд, но заметить подобную ошибку крайне непросто.

18

Осуществляя «реконструкцию реальности», мы должны понимать, что невозможно получить достоверный «снимок» реальности (некое идеальное представление о ней).

Нет, мы лишь находимся во взаимодействии с ней, а не «наблюдаем» её со стороны. Меняя своё положение в ней, мы можем обнаруживать новые и новые факты, и этого вполне достаточно.

Но было бы ошибкой надеяться, что, собрав «все факты», мы получим целостное и исчерпывающее видение ситуации. Проблема в том, что нет «всех» фактов, есть лишь наши единичные опыты в ней.

«Реконструкция» не позволяет нам увидеть образ ситуации (некую целостную картинку), она лишь предлагает решение – возможное действие.

Задача не в том, чтобы описать ситуацию, а в том, чтобы занять в ней более выгодное положение (много более выгодных положений).

19

Если вернуться к образу «множества фотографий», то принцип «реконструкции реальности» исходит из того, что «человек» (реальность) у нас только один, а снимок, на котором он мог бы «поместиться» весь и целиком, невозможен (таковы необходимые вводные ограничения).

Множество фотографий этого «человека» (реальности, ситуации) – это множество разных фотографий того же самого. По сути, мы создаём таким образом большой пазл, состоящий из отдельных фотофрагментов.

Чем больше плотность кадров, тем точнее будет наша реконструкция.

20

Занимаясь реконструкцией реальности, мы вряд ли сможем получить некий «парадный портрет» реальности (ситуации). Но вот информативность этого изображения окажется на порядки выше любого единичного кадра.

Если мы имеем все возможные фотографии «человека» внутри и снаружи, изображение вряд ли покажется нам «красивым», и оно, надо полагать, не будет выглядеть «целостным» (не сможет быть схвачено нами как единый образ), но оно будет действительно информативным.

«Карта территории»

21

Мы инстинктивно ищем некий целостный образ. Мы ищем этой «ясности», этого «понимания» по одной причине – в целях организации собственного действия [© В. Кёлер, М. Вертгеймер, К. Коффка].

Создание нашей психикой целостных образов отдельных фрагментов реальности – не более чем техническая уловка. Это не вопрос действительного исследования или познания.

22

Стул не интересует нас как набор единичных фактов, он интересует нас как функция стула. Прочие детали ситуации для нас лишние, и мы легко их игнорируем, фиксируясь на привычном употреблении стула как стула.

Мы как бы аппроксимируем фактологию до функции, сворачиваем многообразие в единство вокруг потребного функционала. Эту тактику нельзя не признать целесообразной, но она ущербна, если мы пытаемся ухватить реальность такой, какая она есть.

23

Эволюционно подобная тактика вполне оправданна (и подкрепляется на физиологическом уровне [© В. Шульц]): ограниченное количество целей предполагает и ограниченный набор вариантов реагирования, а это значит, что и весь внешний стимульный ряд должен быть организован под эти варианты реагирования. Иное понятно, было бы просто бессмысленным.

Так, например, если я могу усвоить какую-то определённую пищу, то весь мир распадается для меня по этому признаку на съедобное и несъедобное. Если кто-то другой может рассматривать меня как пищу, то весь мир делится для меня на тех, кто может хотеть меня съесть, и тех, кто не будет хотеть этого.

24

В основе, понятно, всегда лежит некая условная «цель» (физическое выживание, например), в соответствии с которой и определяется тот способ, которым я организую представление о себе самом и об окружающем меня мире.

Но и вся информация, с которой я имею дело, дана мне лишь через этот фильтр: мне не нужна просто информация о мире, мне нужно представление о нём, удобное для реализации моих целей.

Таким образом, формирование «карт» реальности, то есть моделей сборки индивидуальных образов реальности (представлений), есть интегрированная в нас биологическая (нейро-биологическая) функция.

Впрочем, данные подобных «карт» (представлений о реальности) являются самой настоящей «территорией», ведь, по сути, обладатели (создатели) этих «карт» и есть сами эти «карты» – они происходят так, им случается быть так, таково их место.

То, что кажется обладателю «карты» некой «картой» (то есть его представлением о реальности), в действительности есть его собственное проявление в реальности так (таким специфическим образом).

Он проявляет себя в реальности (и это происходит) так – этим своим представлением. То есть по существу он сам случается как такая «карта». Но тогда очевидно, что эта «карта» (он сам случившийся так) уже не может считаться «картой».

Иными словами, это иллюзия, что кто-то может иметь «карту» территории реальности. Не он её имеет, он ею, в некотором смысле, и является (происходит так, ему случилось быть своим наблюдением).

«Иметь карту территории» – это фикция, ведь в этом случае ничего не происходит.

С другой стороны, и «карта», и «территория» одинаково реальны, только вот то, что мы думаем об отношениях карты и территории, – ловушка, потому что сама эта идея – уже представление, уже модель модели.

«Модельное отношение» и рационализация

26

Когда нам кажется, что мы создали какую-то модель реальности, мы, на самом деле, просто оказались в таком – происходящем – «модельном отношении» [© М. Вартофский], которое затем (постфактум) нами рационализируется.

Эта рационализация бесплотна и в таком виде добавляется к тому, что происходит на самом деле. Это, конечно, тоже происходит, и реально то, что я рационализирую свои модельные отношения с реальностью, но это уже, так сказать, другая игра.

Быть в модельном отношении и думать что-то об этом модельном отношении (рационализация) – это два разных события. Нам только кажется, что речь идёт об одном и том же.

На самом деле в одном случае происходит одно – случается само модельное отношение, а в другом случае – другое (я представляю себе эти модельные отношения как-то).

27

Есть разница между тем, когда я раздаю игральные карты, и тем, когда я расставляю, согласно предписанным правилам, фигуры на шахматной доске перед началом партии.

Раздавая карты, я уже нахожусь в игре, она началась с момента раздачи карт – начала возникать ситуация, что-то действительно происходит, случается так. Расставляя шахматные фигуры в предписанном порядке, я ещё не начал игру, ещё ничего не происходит.

Так и наблюдатель – он или уже в игре (нечто действительно происходит), или он думает о себе как о «наблюдателе», но тогда наблюдения этого «наблюдателя» (что бы это ни значило) не происходит, а потому его в таком качестве – «наблюдателя» – просто нет.

Как только «наблюдатель» в игре – он игрок, это происходит в реальности, но он уже не может мыслить себя как «наблюдателя».

Если игрок выйдет из игры и будет думать о себе как об «игроке», он в этот миг уже не играет, а всё, что он думает о себе как об «игроке», – фантазия, создаваемая постфактум, недостоверная рационализация.

Всё существующее как бы сверх (поверх) того, что происходит на самом деле, иллюзорно.

Приписывая происходящему (реальности) нечто «извне» (постфактум, абстрактно), мы лишь фальсифицируем то, что происходит на самом деле. И этот подлог легко обнаруживается, если следить за тем (и только за тем), что действительно происходит.

28

«Наблюдатель» – это иллюзия, создаваемая нами постфактум.

Это важно понять: мы можем наблюдать (даже если это и не связано с непосредственным наблюдением, как мы его понимаем), но не можем «быть наблюдателями».

Нет этого статуса в реальном, он – абсолютная химера. И даже то обстоятельство, что сами эти наши мысли о наблюдателе вполне реальны, не может изменить этого очевидного факта.

Реально то, что мы думаем о себе как о наблюдателе, но не реально то, что эти мысли подразумевают. Последние возникают лишь как интерпретация того, чего уже нет.

Нельзя думать о том, чего уже нет, потому что это мышление будет разворачиваться вне связи с реальностью, вне связи с ограничениями, которые реальность накладывает на мышление (что только и делает его действительным). Это фиктивное мышление, псевдомышление.

29

Сыграв партию, вы можете сказать: «На пятнадцатой минуте я совершил ошибку. Я должен был действовать иначе!» Но сейчас вы уже не играете, а оцениваете партию, проведённую другим (пусть даже это были вы).

Там и тогда происходило то, что происходило. Думать сейчас, что тогда вы могли поступить иначе, абсурдно.

Почему нам не приходит в голову сказать: «На пятнадцатой минуте я взял из колоды не ту карту. Как я был неправ!».

Есть разница между игроком и тем, кто стоит у него за спиной.

30

Другой пример. Влюбившись, вы будете страдать от любви [© Р. Барт], а потому, желая влюбиться, вы страдаете, строго говоря, об отсутствии страданий влюбленного. Но возможно ли это осознать?

Кажется нелепым страдать об отсутствии страдания, правда? Но подобные ошибки, смысловые сшибки – обычное дело, потому что всегда происходит только то, что происходит, а то, что не происходит, отсутствует, и мы не можем этого увидеть.

Всегда есть то, что происходит. Но то, что мы подразумеваем, думая, что думаем о происходящем, не происходит, а мнится. При этом, да: реально то, что мне что-то мнится. Но то, что мне мнится, – нереально и не может быть с реальностью соотносено.

Происходит, иными словами, лишь то, что мы что-то подразумеваем, мним, фальсифицируем, а не то, что именно мы подразумеваем, мним или фальсифицируем.

Таким образом, всякое описание, которое мы способны произвести, ложно, хотя само по себе оно является фактом: наши «описания» происходят, имеют место, случаются.

«Внутри головы»

31

«Проблема наблюдателя» – это лишь верхушка айсберга. Заглянем чуть глубже, обращаясь к данным современной нейрофизиологии.

Допустим, нам удалось вытравить из себя иллюзию наблюдателя. Это очень важный и существенный в методологическом отношении шаг, но, изгнав иллюзорного наблюдателя из системы, мы обнаруживаем, что имеем дело с желеобразной массой внутри нашей черепной коробки. Только с ней, ничего больше.

32

То, что кажется нам столь реальным вокруг, в действительности есть лишь цифровая модель, созданная нашим мозгом.

Мы располагаем рецепторным аппаратом, который кодирует аналоговый сигнал (фотоны света, механическое воздействие, химические вещества и т. д.) в цифровой (мембранный потенциал нейронов), а та «картина реальности», которую мы воспринимаем, создаётся уже в корковых анализаторах головного мозга. Грубо говоря, мой мозг показывает мне то, что он создал в своих корковых анализаторах.

То, что мы видим, слышим, чувствуем или понимаем, – это не то, что восприняли наши рецепторы, а сложные интеллектуальные объекты, собранные нашей интеллектуальной функцией и в соответствии с её собственными алгоритмами (генетически предустановленными или выученными в процессе интериоризации культурно-исторической среды [© Л. С. Выготский]).

Помимо перекодировки сигнала и реконструкции образа в анализаторе есть и это неизбежное искажение: при создании «картины» мозг ориентируется на прошлый опыт (всякое наше новое «восприятие» детерминировано уже существующими в мозгу нервными связями).

После того, как вся эта работа по созданию внутренней «картины» мира нашим мозгом произведена, мы имеем нечто, что (достаточно, впрочем, самонадеянно) и считаем «объективной реальностью»⁴.

33

Протяните руку вперед и коснитесь предмета перед вами – стола, кружки, карандаша. Это случилось как бы вне вас, правильно? Но на самом деле всё это произошло внутри вашей головы. Там есть схема вашего тела (вместе с рукой), там есть всё «окружающее вас» пространство, там есть и образ соответствующего предмета (стола, кружки, карандаша и т. д.).

Иными словами, достоверно лишь то, что в вашем мозге взаимодействовали друг с другом соответствующие нейронные ансамбли. Да и смысл случившееся имело только для нейронных ансамблей – каких-то других, вероятно, но расположенных в вашем же мозгу (тех из них, например, что отвечают за распознавание текста, формирование намерений и т. д.).

---

⁴ В состоянии тотальной сенсорной депривации, во сне, а также в случае истинных галлюцинаций при психической патологии наш мозг производит подобные «картины», не соотносясь с состоянием рецепторов.

34

Да, можно предположить, что какие-то изменения возникают и «во внешнем мире». Но мы не можем говорить об этом с уверенностью, поскольку весь «внешний мир» (по крайней мере, в том виде, каким он нами воспринимается) – это лишь активность наших собственных нервных клеток.

Мозг легко ввести в заблуждение просто надев на нас шлем виртуальной реальности (VR-очки). Вы будете действовать в «объективной реальности», ориентируясь на образы, возникающие в вашем мозгу, никак не связанные с действительной реальностью. Какой стол, кружку или карандаш вы трогаете сейчас?

Мы никогда не покидаем своей черепной коробки, нам лишь кажется, что мы взаимодействуем с «объективной реальностью», находящейся за её пределами. Всё это взаимодействие происходит внутри нашей головы – одни модели (интеллектуальные объекты) взаимодействуют в ней с другими.

35

В своём знаменитом мысленном эксперименте с зомби Дэниел Деннет невероятно удлиняет нервные пути, соединяющие его мозг с рецепторами. Это позволяет философу оставить мозг в лаборатории, а тело отправить на выполнение опасного задания. Возвращаясь в лабораторию, Деннет видит свой мозг в колбе с физраствором. Фокус в том, что и он сам, и этот воспринимаемый им мозг находятся сейчас в этой колбе.

Примерно то же самое будет происходить и в том случае, если я окажусь на операционном столе со вскрытой черепной коробкой. Нейрохирург даст мне зеркало и позволит посмотреть на мой собственный мозг. То, что я увижу в зеркале свой мозг, – иллюзия, возникающая в моём же мозгу. Я не покину его – моего мозга – пределов, даже «объективно» наблюдая его со стороны.

А насколько «объективны», например, космические «чёрные дыры»? При всём желании у нас нет никакой возможности их увидеть или как-то иначе воспринять. По сути, это лишь расчётные космические объекты, создаваемые нашим мозгом на основе большого числа других расчётных данных.

Иными словами, всё, что нам кажется реальным, на самом деле лишь «matrix», произведённая нашим мозгом. Выйти за её пределы невозможно, поэтому читать что-то «более реальными» или «менее реальным» – абсурдно.

Есть то, что происходит, и это реально; и нет того, что не происходит, – это иллюзия.

«Луч внимания»

36

Впрочем, большую часть времени мы даже не пытаем желания хоть каким-то образом (хотя бы условно), вылезать из собственной головы.

«Внешний мир» занимает нас не насколько сильно, как, например, наши рекурсивные размышления о прошлом и будущем, или наши отношения с другими людьми, которые мы, благодаря дефолт-системе мозга [© М. Рейчел], проигрываем внутри собственной головы.

Даже абстрактные рассуждения, связанные с нашей работой или увлечениями, при всей их «противоестественности» и «натужности», зачастую оказываются для нас куда более интересными, нежели «объективная действительность» вокруг нас.

Альберту Эйнштейну уж точно был куда интереснее его собственный мир глобальной относительности, развёрнутый в его мозгу, чем то, куда он сейчас идёт (он мог об этом просто забыть), или застегнута ли ширинка на его брюках (эту процедуру он тоже регулярно забывал осуществить).

37

Неосознанно мы, конечно, постоянно контролируем ситуацию в «окружающей нас действительности», но этот контроль не достигает уровня осознанности. Большинство наших действий осуществляется уже сформированными в нашем мозгу автоматизмами без участия сознания.

Если с нами не происходит ничего чрезвычайного – например, нам не отрезают ногу, а наша машина не потеряла управление и не несётся в кювет – мы, можно сказать, находимся как бы даже дважды «внутри головы».

Требуется целый набор специальных практик (например, медитативных) и настойчивая тренировка соответствующих навыков, чтобы перенастроить луч нашего осознанного внимания на явления «окружающего мира».

Нас не слишком интересует то, что происходит в «окружающем нас мире». Что, впрочем, и не удивительно, поскольку реальность – это то, что происходит, а потому, если в «окружающем нас мире» ничего интересного для нас не происходит (и нога на месте, и машина едет, как надо), то мы обращаем луч нашего внимания туда, где происходит нечто более захватывающее – в мир собственных фантазий.

38

Мы подвержены психологической иллюзии, что можем сознательно управлять лучом своего внимания, но это не так. Данная иллюзия возникает у нас из-за ложной гипотезы, будто бы мы обладаем неким «я» («наблюдатель»), и мы ошибочно приписываем этому фиктивному «я» свободу в выборе «объектов рассмотрения» – мол, куда я захочу направить луч своего внимания, о том я и буду думать.

С равным успехом мы приписываем «мотивы», «чувства» и «личностные характеристики» картинкам на экране. Причем мы делаем это и в том случае, когда смотрим художественный фильм, и в случае мультипликационного фильма, персонажи которого очевидно являются выдуманными от и до.

Более того, мы поступаем так же даже в том случае, когда экспериментатор заставляет нас наблюдать за движением по экрану геометрических фигур, «поведение» которых можно вложить в какой-нибудь социальный нарратив – мол, треугольник бьет квадрат, квадрату от этого плохо и он убегает от треугольника к кругу, который готов его защитить. Даже годовалые дети «понимают» это [© К. Хэмлин, К. Уинн, П. Блумм].

В тот момент, когда вам удастся осознать, что актёры, мультипликаторы и экспериментаторы просто дурачат вас, иллюзия рассыпается (так бывает, например, когда актёр играет из рук вон плохо).

Точно так же, если мы осознаем (хотя это, конечно, и на порядок сложнее, чем уличить актёров в актерстве), что никакого «наблюдателя» (или «я») в нас нет, то и думать о произвольном «луче внимания» станет невозможно.

39

В действительности «луч внимания» не является «светом» некоего направленного проектора сознания. Дело обстоит прямо противоположным образом: какой-то нейронный ансамбль становится активным настолько, что побуждает в нас «свет» сознания.

Современные нейрофизиологи, вооружившись фМРТ, переоткрыли «принцип доминанты», сформулированный некогда Алексеем Алексеевичем Ухтомским: эффект сознания возникает у нас как результат «победы» активности в нашем мозгу одного нейронного ансамбля («нейронного центра», «функциональной системы») над другим.

Мозг параллельно (симультанно) решает огромное количество задач, и всё это одновременно со мной происходит: я сижу на стуле, сопротивляюсь действию сил гравитации, думаю о том и другом, пишу на компьютере, слежу за курсором, испытываю чувство голода и подумываю прерваться на яичницу, слышу пение птиц за окном и треск поленьев в камине, поддерживаю определённый уровень вегетативных реакций в теле и т. д., и т. п.

Но многозадачность на уровне сознания невозможна, поэтому в каждый конкретный момент времени я осознаю только какое-то одно из действий моего мозга (из всего множества того, что в нём происходит). По каким-то причинам именно этот нейронный ансамбль в данную секунду выиграл в конкурентной борьбе с другими – оказался «ярче» остальных.

Апостериорно я, конечно, могу приписать себе это решение, что, мол, это я сам решил об этом (или чём-то другом) подумать. Но тогда, вероятно, и заболеть кишечным гриппом, который я перенёс на днях, было моим сознательным и осмысленным решением... Нет – на всякий случай, наверное, надо это уточнить, – я не делал этого намерено.

40

Правда в том, что мы не можем выбирать, о чём думать или не думать, как мы не можем заставить себя по команде тут же заснуть или проголодаться.

Таким образом, мы не можем «регулировать» реальность, с которой имеем дело. Мы сами – следствие этой реальности, того, что происходит в нашем мозгу.

В случаях, когда нам кажется, что мы «хозяева в своём доме», мы просто ошибочно – апостериорно – интерпретируем то, что с нами уже произошло [© Б. Либет]: соответствующие нейронные ансамбли в нашем мозге получили статус доминирующей силы.

Мы лишь складываем историю происходящего так, чтобы это не противоречило нашей общей концепции о нашей «личности», «разумности», «свободе выбора» и т. д.

Иллюзия «независимости»

41

Всё это не только противоречит нашей интуиции, но и, как кажется, не согласуется с фактами. В конце концов, есть ведь люди, которые «многого добиваются» в своей жизни, а есть те, кого иначе как «ходячая катастрофа» не назовешь. Разве не свидетельствует это о важности «личного выбора», «личностных качеств» и т. д.? Нет, не свидетельствует.

Допустим, что мы можем устранить все случайные факторы, влияющие на поведение человека, – гены и психотип, семейное окружение, в котором он воспитывался, образование, которое он получил, перенесённые им болезни, последствия воздействия психотравмирующих факторов и т. д., и т. п. Допустим так же, что мы имеем двух человек, относящихся, так сказать, к какой-то одной «чистой линии».

Складывается впечатление, что такие субъекты должны быть одинаковы, но если они отличаются друг от друга (а так, скорее всего, и будет), то дело, «следовательно», в неких их внутренних, личностных качествах. И это ошибка, а слово «следовательно» совершенно не случайно дано мною в кавычках.

По существу, мы имеем дело с вариацией классической «фундаментальной ошибки атрибуции» [© Л. Росс]: мы не учитываем эффект информационного воздействия, или, если угодно, эффект «информационной ситуации».

42

Наш мозг «живёт» в информационной среде, и у каждого из нас она разная. Да, она отличается лишь в нюансах, но эти нюансы, накладываясь друг на друга, создают кумулятивный эффект.

Два человека читают одну книгу – содержание одинаково, но кто-то зацепился за один факт, потому что у него болит поясница, а кто-то за другой, потому что страдает от неразделенной любви. Всё, ситуация поменялась, теперь они выберут уже разные книги для следующего прочтения, а после – совсем разные.

Этот последующий выбор не будет сознательным, этот выбор осуществит мозг (точнее – конкретные нейронные ансамбли) наших воображаемых читателей книг, а не их «я».

43

Образно говоря, одна и та же книга (по не зависящим от неё обстоятельствам) откроет в головах разных читателей разные гештальты [© Ф. Перлз], для завершения которых одному окажется нужна одна информация, а другому – другая.

Этот дефицит, испытываемый конкретным мозгом, и определит последующие его выборы. Последние, впрочем, возможно, приведут к тому, что побуждённый некогда к жизни «открытый гештальт» не только не закроется с течением времени, а напротив, будет разрастаться и шириться.

Так я, например, могу только догадываться, дорогой читатель, сколь извилистый и непростой путь привел вас (не утратившего интерес к прочтению аж до этого места) к тому, что вы читаете сейчас эту книгу.

Влияет ли на вас то, что вы сейчас читаете? Да, и не важно, насколько вы согласны с конкретными тезисами или выводами. Возможно, вам вообще всё в этой книге не нравится. Но если вы продолжаете читать, что-то с вами неизбежно происходит, что-то в вас меняется.

И эта перенастройка вашего мозга происходит сама собой, вне зависимости от того, хотите вы этого или нет. Это не вопрос вашего «свободного выбора» или «сознательного решения», а результат вашего всегдашнего присутствия в фактической реальности.

Иными словами, мы можем нести в себе любые установки – например, «эта книга не окажет на меня никакого влияния!». Мы вообще можем думать всё, что нам заблагорассудится. Но реальность будет определяться действием фактических сил, а не нашими теориями.

Становимся ли мы, пока вы читаете эту книгу, единомышленниками или, наоборот, превращаемся в горячих оппонентов, – вы меняетесь. Результат этих изменений определит ваши последующие выборы: не вы, а ваш мозг, создавший этот результат (напряжение в соответствующих нейронных ансамблях), определит их.

44

Почему всё это важно понимать, когда мы пытаемся думать о реальности?

Прежде всего потому, что нам нужно полностью избавиться от идеи нашей «независимости» от реальности. Мы не можем быть от неё независимы.

И это не этический вопрос «свободы воли», это вопрос куда более фундаментальный – это вопрос того, как реальность на самом деле организована. Это, если угодно, вопрос о её тотальной целостности.

45

С другой стороны, всё это, как мне представляется, позволяет осознать суть и необходимость методологии мышления.

Методология ставит перед собой цель таким образом организовать мышление, чтобы, во-первых, добиться его соответствия реальности («принцип достоверности»), а во-вторых, получить возможность воздействия на эту самую реальность через инструменты мышления, посредством мышления («принцип реципрокности»).

Это не значит, что методология мышления сделает нас свободными от реальности, а мы обретём способность гнуть ложки взглядом и ходить по воде. Это значит только то, что, будучи согласованными с реальностью в своём мышлении, мы получаем возможность реципрокной связи с реальностью.

Впрочем, я пока чуть забегаю вперед.

«Объективное» и «субъективное»

46

Наши фантазии – представления о прошлом и будущем, а также образы других людей и различные абстрактные умозаключения – являются реальностью.

Реально, конечно, не содержание наших фантазий (речь не идёт о реальности того или иного будущего, например), а тот факт, что мы фантазируем на соответствующие темы.

Для психиатра вовсе не так важно, какие именно галлюцинации возникают в мозгу его пациента-шизофреника, их конкретное содержание. Ему важно, что они в принципе имеют место, происходят. На основании этого факта он выставляет диагноз и назначает лечение.

47

Всё, что происходит, – это реальность. Из этого должно быть понятно, что когда мы говорим о реальности, речь не идёт о том, что обычно понимается под «объективностью», которая, в противопоставлении «субъективному», предполагает действительное присутствие чего-либо во «внешнем мире».

Реальное – это не абстрактное «объективное», которое, как мы понимаем из вышесказанного, весьма условно. В конечном счёте всё, с чем мы имеем дело, дано нам через репрезентации, созданные в нашем головном мозге, то есть автоматически «субъективно» (всякое «объективное» или «внешнее» воссоздаётся мозгом в нём самом, в соответствии с генетическими программами и выученными настройками, которыми он для этого пользуется).

48

Противопоставление «объективного» «субъективному» – удобная фикция, которая, вероятно, прагматически может быть как-то оправдана, но с точки зрения методологии мышления абсолютно бессмысленна, потому что не выдерживает проверки на достоверность – у нас нет критериев, которые бы могли вылущить «объективное» из «субъективности» мозга.

Проверка же факта на достоверность вовсе не является самоцелью, а тем более игрой в «истину». Но если в своих умозаключениях мы будем использовать соображения, которые не согласуются с фактами, а являются следствием, например, языковых игр («объективное/субъективное», «живое/мертвое», «справедливое/несправедливое»), мы неизбежно допустим ошибку.

49

Важно осознать этот факт: всё для меня есть работа моего мозга – и компьютер, за которым я сейчас пишу этот текст (чей образ создан моим мозгом: зрительное восприятие, тактильное, звуковое – я слышу, звук клавиш, когда нажимаю на них), и те соображения, которые я пытаюсь сформулировать и записать, одинаково реальны.

Думать, что где-то есть «объективная» реальность, а где-то «субъективная» – совершеннейшая нелепость. Все они созданы из одного и того же нейрофизиологического теста. Хотя, конечно, у каждого из нас есть доступ лишь к определённому набору фактов; у одних он один, у других – другой. Но всё это, в любом случае, одно пространство реальности.

Допустим, я вижу некоего человека, который идёт по коридору Высшей школы методологии (предположим, что у меня нет истинных галлюцинаций и всё это происходит в действительности).

Итак, он – этот человек – реален как объект внешнего мира, и я его воспринимаю соответствующим образом (всё это происходит). Но он совершенно так же реален, и как моё представление о нём: мой мозг содержит образ этого человека (и это тоже то, что происходит) – я знаю, сколько ему лет, чем он занимается, женат или разведён и т. д., и т. п.

Он не идёт по коридору с табличкой, на которой всё это написано. Соответствующая «табличка» на его счёт есть у меня в голове, и сейчас она оказывается «высвеченной» лучом моего внимания, «загорается» в моём сознании.

То есть у меня в голове есть образ этого человека (и сейчас он активизируется) куда более объёмный и содержательный, нежели «объективная реальность», которую я могу «объективно» воспринять, обнаружив «какого-то» человека посреди коридора.

Так, кого же я сейчас вижу в коридоре – «объективного» человека, или то, что я «субъективно» о нём думаю? Что для меня важнее – увидеть его «объективно» или увидеть то, что я (мой мозг) о нём знаю? Что, так сказать, более реально? Можем ли мы вообще задаться таким вопросом?

«Более» или «менее» реально?

51

Развернём ситуацию шире. Пока мы не учли, например, что у человека из коридора есть в голове какой-то образ меня («табличка» на мой счёт), а главное – его собственный. У него есть набор знаний о нём самом, о том, что он есть как то, что с ним происходит (он знает, например, что у него болит голова, кто его раздражает, о ком или о чём он мечтает, сколько денег у него осталось до зарплаты, – всё это реальность).

Теперь предположим, что речь идёт о моём пациенте. У него есть его собственный образ себя, и у меня есть его образ. Может ли быть, что я, как психотерапевт, знаю о нём больше, чем он сам о себе знает? Разумеется, по крайней мере, в какой-то части. Например, если мне известен его диагноз, я в курсе множества нюансов, о которых сам пациент, возможно, и не подозревает. Представим, что у него рак, мы оба об этом знаем, но он профан в медицине. Очевидно, что я знаю больше.

52

Итак, можем ли мы понять, что в пространстве реальности более реально?

Допустим, некий врач обследовал Людвиг Витгенштейна и получил массу «объективных данных» на его счёт. Я никогда не видел Людвиг Витгенштейна (и даже теоретически не имел такой возможности), но многое знаю о нём – из его философских работ, тайных дневников, писем и воспоминаний других людей (не понимаю, правда, насколько всё это может быть «объективным» или «субъективным»).

Итак, у кого – у меня или у лечащего врача этого философа – более реальный Витгенштейн?

Ответить на этот вопрос при всём желании не представляется возможным, хотя, казалось бы, ответ должен быть очевиден – «объективная» картина лечащего доктора куда точнее моей.

Итак, вопрос выглядит абсурдным, но давайте приглядимся к нему внимательнее.

Резонно, например, спросить: одного ли и того же Витгенштейна мы с его лечащим врачом имеем в виду? Я говорю о том, что происходит с мыслью Витгенштейна, он – о том, что происходит с телом Витгенштейна.

Казалось бы, это всё объясняет. Но можно ли считать, что тело Витгенштейна и его мысль никак не связаны, если и то, и другое очевидно происходит (или как сказал бы сам Людвиг – чему «случилось быть»)?

Продвинемся чуть дальше – сопоставим не тело и мысль философа, а, например, его мысль и сексуальную ориентацию.

Витгенштейн отрицал, что его гомосексуальность как-то повлияла на его философию (об этом мы знаем со слов человека, который задал ему этот глупый вопрос). Но даже если Витгенштейн так думал, что не факт, трудно представить, что его сексуальность никак не повлияла на его психологию (о чём со всей очевидностью, кстати сказать, свидетельствуют дневники философа).

Что же получается? Отрицать влияние психологии человека на его философские суждения было бы нелепо, а говорить о его психологии, не учитывая сексуальную ориентацию, странно (тем более если речь идёт о весьма нетолерантном обществе, запретах, концепции греха и т. д.).

Но где в теле человека начинается и заканчивается сексуальная ориентация? А если она вообще наследственная – эта ориентация? Двое из трех братьев Людвиг, покончивших жизнь самоубийством, были гомосексуальны. Так что без «тела», надо полагать, не обошлось.

53

Так или иначе, но конструкция – «более» реально, «менее» реально – никак не применима к реальности. Что-то или происходит, или не происходит. Здесь нет промежуточных положений.

Можно, наверное, говорить о том, что факты, обнаруживаемые нами в пространстве реальности, могут располагаться ближе или дальше от какого-то другого факта реальности (того, что происходит), но нельзя говорить, что один факт «лучше» (реальнее) или «хуже» (нереальнее) другого.

54

Попытки «разрезать» реальность, отделяя таким образом одни факты реальности от других, естественны для внутреннего устройства нашего языка, требующего выделить, зафиксировать и противопоставить.

Но вся эта столь привычная нам логика языка, как мы видели на примере «я», «наблюдателя», «объективного/субъективного» и проч., никаким образом не соответствует реальности.

Внутренне устройство языка прячет реальность от нас, воздвигает ложные конструкции, устанавливает несуществующие в действительности границы, фиксирует (сепарирует и останавливает) то, что происходит (то есть фальсифицирует), но выдаёт полученный результат за отчёт о том, что происходит на самом деле.

Мы полагаем, например, что использование глаголов – это способ сказать о том, что происходит. Но это только иллюзия. В действительности любое слово, а глаголы в особенности, сворачивает происходящее как бы внутрь самого себя [© С. Пинкер]. Язык не способен схватить процессуальность (это, надо полагать, и в принципе невозможно).

Именно в этом смысле, мне кажется, следует понимать и «стену языка» Жака Лакана, и знаменитый афоризм Витгенштейна: «О чём невозможно говорить, о том следует молчать», с его же собственным уточнением, что в этом пункте его «Логико-философского трактата» скрыто больше, нежели во всех остальных.

55

Реальность – это то, что происходит, а язык бессилён схватить это происходящее. Он как фотопленка, фиксирующая и останавливающая движение.

Можно обнаружить факты реальности, но даже просто называя (обозначая) их, мы тут же и неизбежно попадаем в плен к языковым играм, оказываемся в содержании, неverifiedируем с точки зрения «принципа достоверности».

«Изготовление» фактов

56

Мы в плену совершенно естественных и при этом фундаментальных заблуждений.

Мы считаем себя обладателями некоего «я», полагаем, что наш мозг – идеальное устройство для познания мира. Мы, наконец, бездумно доверяем языку, который возник для решения совершенно утилитарных задач коммуникации (причём в племенах примитивных людей), а вовсе не для того, чтобы корректно и исчерпывающим образом описывать мироздание.

Наши традиционные представления о личности человека и его месте в мире, о «великом и могучем» языке – фундаментальные культурные мифы. Личность иллюзорна, место человека в мире ничтожно, а язык – плохо организованная система кодирования смыслов.

57

Мы сами (что бы это ни значило) – реальны, мы то, что происходит.

Однако для взаимодействия с реальным мы вынужденно используем эти социокультурные «протезы». Возможно, это единственный способ, который позволяет нам знать о сложности реального, но эти «протезы» являются также и способом производства бесчисленного количества ошибок, наподобие «фонового шума» или «генетического мусора».

58

Да, мы очевидно обнаруживаем аспекты реальности разного, если так можно выразиться, регистра.

В одном случае это какой-то психический суррогат «объективной действительности», произведённый нашим мозгом по итогу внешних физических воздействий на рецепторный аппарат.

В другом – сложные сознательные представления, которые мы строим с помощью языкового инструментария.

В третьем – аналогичные феномены в мозгах других людей. Есть, наконец, реальность, с которой мы соприкасаемся, используя, если так можно выразиться, инструментарий социокультурных и научных знаний.

Например, я знаю, что другой человек способен испытывать боль, обманывать и обладает сознанием. То, что я знаю, в частности, о реальности своего пациента как врач, обеспечено огромным массивом знаний о мире (о том, что происходит), который дан мне через, так скажем, понимание научных фактов.

Такого рода «контакты» с реальностью посредством абстрактного знания также опосредованы мозгом, его специализированными аппаратами и настройками (например, «зеркальными нейронами» [© Д. Риззоллати, В. Галлезе] или теменной долей, натренированной на построение числовых рядов).

Это тоже факты реальности (они говорят нам о том, что происходит), но это какой-то «другой регистр».

59

Каким образом мы можем сшить все эти факты реальности друг с другом?

Дело выглядит так, что у нас есть один мозг и одна реальность, а вот то, что возникает в процессе их взаимодействия, имеет как бы разную природу.

Организовать эти факты «разных регистров» в целостность не представляется возможным, ведь один факт оказывается здесь не «лучше» и не «хуже» другого именно потому, что их вообще никак нельзя сопоставить.

Конечно, отчасти данная ситуация объясняется языком, «языковыми играми» – факты не даны нам такими, какие они есть, они даны нам в языке, означенными.

Но проблема не только в том, что они поименованы (что автоматически включает их в соответствующие языковые игры), а и в том, что они уже специфическим образом организованы мозгом (в соответствии с сформированными в нём шаблонами восприятия, базирующимися, во многом, на языковых дефинициях [© Дж. Хокинс]).

Сами же эти шаблоны производства «внутренних образов» фактов реальности имеют в нашей психике разный генез, что, по всей видимости, и приводит к формированию тех самых множественных «регистров».

60

Иными словами, у мозга нет какой-то универсальной модели изготовления данных о фактах реальности, хотя выведенные на уровень сознания, они уже – эти данные мозга о фактах реальности – унифицированы и не обладают теми отличиями, которые весьма и весьма существенны для определения фактического значения (весе и месте) того или иного факта в системе.

Можем ли мы как-то иначе «снять» эту проблему, кроме того, что скажем: всё, что происходит, реально, и один факт не более (и не менее) реален, чем любой другой?

Отношения реальности

Попробуем радикализировать вопрос наших отношений с реальностью (которые, разумеется, происходят внутри самой реальности).

До сих пор речь шла лишь о реальности в связи с мозгом человека: реальность того, что мы воспринимаем или можем воспринять, реальность наших представлений или моделей и образов, реальность работы самого мозга человека.

Но обратимся к реальности, о которой, как бы странно это ни звучало, мы даже не можем иметь представления.

Парадокс и граница «понимания»

1

Когда мы говорим о реальности, которую невозможно представить, на ум, понятное дело, сразу приходят известные физические парадоксы – квантово-волновой дуализм и «принцип дополнительности» Нильса Бора, матричная квантовая механика и «принцип неопределённости» Вернера Гейзенберга, «квантовая запутанность» с котами Эрвина Шредингера, хокинговское излучение чёрных дыр.

Всё это – некая реальность, которую мы можем помыслить лишь предельно абстрактно. Её нельзя пощупать, разглядеть с помощью микроскопа (или телескопа) или услышать даже посредством какой-нибудь волшебной «звукоусилительной» аппаратуры.

Эти данные для нас по самой сути своей – расчётные, то есть представляют собой некое наше «умозрение», возникшее в результате интерпретации различных показателей, математических выкладок и т. д.

По наивности нам может казаться, что ничего экстраординарного в этих парадоксах нет – мол, немного странно, ну и что с того? Но как говорил Нильс Бор: «Если вы не пришли в ужас при знакомстве с квантовой механикой, вы просто не можете её понять».

В действительности все эти феномены абсолютно непредставимы, и мы или просто не понимаем их, а поэтому не чувствуем подвоха, или настолько свыклись с ними, что забыли о нём.

2

Сущность всякого подлинного парадокса в его принципиальной неразрешимости. Ричард Фейнман называет это «проклятыми тайнами физики», в которые с неизбежностью упираются ученые.

«Быть может, – пишет он, – вам ещё хочется выяснить: “А почему это? Какой механизм прячется за этим законом?”. Так вот: никому никакого механизма отыскать не удалось. Никто в мире не сможет вам “объяснить” ни на капельку больше того, что “объяснили” мы. Никто не даст вам никакого более глубокого представления о положении вещей».

Парадокс, иными словами, неустраним, как фактическая точка сопротивления реальности нашему мышлению. Противоречия же, напротив, – это потенциально устранимые неясности (даже если мы пока не знаем как это сделать, это возможно).

Парадоксы, с одной стороны, как бы извне ограничивают область нашего возможного понимания. С другой стороны, представляют собой своего рода фундамент, опору мышления – мы можем мыслить, лишь оттолкнувшись от действительного ограничения.

3

Наш мозг создавался эволюцией под решение конкретных задач выживания. Наивно полагать, что в нём «припасены» опции «объективного познания мира», или что спектр исследовательских возможностей нашего мозга простирается на любую область, какую бы мы ни выбрали.

Градусник – хороший и дельный прибор, если речь идёт о необходимости измерить температуру. Но он не в силах определить электромагнетизм или выявить генную структуру ДНК. Он даже не измерит все возможные температуры, а лишь только те, на которые он рассчитан.

Наличие «зон» реальности, которые нам (нашему познанию) принципиально недоступны, является фактом, который может быть отнесён к некоей естественной аксиоматике. Впрочем, это так и не осмыслено нами в должной мере. Точнее, не определены следствия этой «аксиомы».

4

Прежде всего необходимо понять, что мы вообще имеем в виду, когда говорим о «познании».

При внимательном рассмотрении оказывается, что мы не подразумеваем под «познанием» простой сбор фактов (что странно). Речь идёт о возможности (или невозможности) создать непротиворечивое представление (некую концепцию) о том или ином явлении.

И действительно, – скажет кто-то, – зачем нам «факты», если они не укладываются в единую схему? Зачем нам факт, который выпадает из общей картины, противоречит «общей логике» и просто не согласуется с ней? Действовать мы можем, как нам кажется, только если у нас будет ясное представление о том или ином явлении. Если же у нас просто «груда» фактов, то что нам с ними делать?

На самом деле, уже здесь начинается досадная путаница.

5

Вот мы берём, например, некое множество фактов, и они, благодаря гениальной интуиции Чарльза Дарвина, складываются в теорию эволюции.

Очевидно, что дарвиновская теория эволюции, при всей её блистательности, чего-то точно не учитывает (на самом деле целые пласты фактов ею отброшены – не замечены, уведены в тень или проигнорированы).

Но нас это совершенно не смущает, потому что – «в общем и целом» – мы с её помощью получили правдоподобное объяснение многих, прежде неясных для нас вопросов биологии.

Не значит ли это, что нам просто нужны были эти объяснения «непонятного»? И что там теперь с этими «объяснениями» делать?

Напомню, что изначально мы ожидали от «познания», что оно подскажет нам дорогу, объяснит, что делать (именно по этой причине мы отказались от «горы фактов» в пользу «строгой теории»).

Но тут вдруг выясняется, что делать-то мы ничего и не собираемся. То есть нам просто нужна была теория, которая сделает нечто странное и необъяснимое понятным. Только и всего.

Так не являемся ли мы заложниками игры слов: не может ли быть, что мы говорим «познание» там, где ищем простого «понимания», «объяснения», «ясности»?

Что, если то, что мы традиционно считаем познанием, на самом деле есть лишь поиск объяснений перед лицом пугающей неизвестности (если она вдруг обнаруживается, осознаётся)?

«Понимание» как «объяснение»

6

Казалось бы, обнаружение странностей, а тем более настоящих парадоксов должно рассматриваться нами как своего рода вызов мышлению.

Мышление, обнаружившее препятствие на своём пути, очевидно столкнулось с чем-то реальным – чем-то, что требует новых подходов, иного понимания.

Но результат разочаровывает: вместо того чтобы принять действительные ограничения, опереться на них и радикально поменять стратегию, мы ищем «красивых объяснений», которые «оставляют всё как есть», но с ощущением «понятности».

Складывается впечатление, что такое «познание» не ставит перед собой амбициозной задачи узнать реальность, ему нужно лишь создать «картинку» (представление), которую можно было бы легко вообразить.

То есть такое «познание» – это поиск хорошего (не странного, не парадоксального) «образа», а вовсе не подлинный исследовательский интерес.

7

Прежде, спасаясь от неясности (неопределённости), человек придумывал что-то мистически-религиозное, теперь – естественнонаучное. Но одно не лучше другого, если и в другом случае вопрос «что делать?» остаётся без ответа.

Впрочем, иллюзия-то ответа есть. Если мы приняли на веру мистику, то надо, видимо, молиться, приносить жертвы и каяться. То, что это «надо» – лишь игра в рамках данной объяснительной модели, мы игнорируем.

Допустим, я боюсь смерти, но мне объясняют, что если я буду «молиться», «приносить жертвы» и т. д., то не умру – «унаследую жизнь вечную» и т. п. Я это делаю – молюсь, приношу жертвы и т. д., вследствие чего успокаиваюсь. Но умру.

То есть на реальность, которая изначально и побуждает мой вопрос, я никак с помощью принятой мною на вооружение объяснительной модели воздействовать не могу.

Правда, у меня есть иллюзия, что я каким-то образом на неё повоздействовал, и этого оказывается достаточно. Нет, сам вопрос не снят, он теперь просто спрятан, завалирован.

8

Нечто подобное мы наблюдаем и в случае естественнонаучных объяснений.

Давайте задумаемся – каким-таким действительным инструментом влияния на биологическую реальность нас оснастила теория эволюции⁵?

Нет таких инструментов, и никаких рецептов тоже нет. «Что делать?» – непонятно (хотели ли мы и в самом деле что-то с этим делать или нет – другой вопрос).

Эволюционная теория предложила нам красивые ответы на ряд вопросов, которые кого-то (из тех, кто воспринял это «объяснение») успокоили. Но успокоенность делает последующее действие, мягко говоря, ещё менее вероятным.

---

⁵ Должен оговориться, что теория эволюции взята мою только ради примера, ею может быть любая подобная теория «объяснительного» толка.

Так что даже если у нас и был вопрос «что делать?», он оказывается от нас теперь в некотором смысле спрятанным.

9

Мы игнорируем вызовы реальности. Причем куда чаще, чем даже можем это представить.

Никто не бегал по улицам в ужасе и не рвал на себе волосы, задаваясь вопросом – как же так получилось, что на земле столько видов живых организмов, а мы не знаем почему?

Нет, этот вопрос человечество не волновал. Он стал «волновать» нас лишь после того, как мы уже получили от Чарльза Дарвина ответ – объяснение, которое ставит и одновременно снимает вопрос.

Да, роль теории эволюции огромна – она позволяет сформировать «картину мира» в рамках атеистического мировоззрения.

Кроме того, наличие такой теории позволяет нам осуществлять построение новых интеллектуальных объектов, становиться опорой для каких-то наших последующих размышлений и выводов.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.